

Г. Ф. Миллер: О ДУХОВНЫХ СВОЙСТВАХ НАРОДОВ

Одно из заметных культурных и научных событий 2009 г. – выход в свет первого издания на русском языке фундаментального труда по этнографии «Описание сибирских народов» Г. Ф. Миллера, выдающегося исследователя Сибири XVIII в. Сегодня мы предлагаем читателю выдержку из главы, посвященной межличностным отношениям, взаимоотношениям полов, отношению к собственности и другим «духовным свойствам» коренных народов Сибири

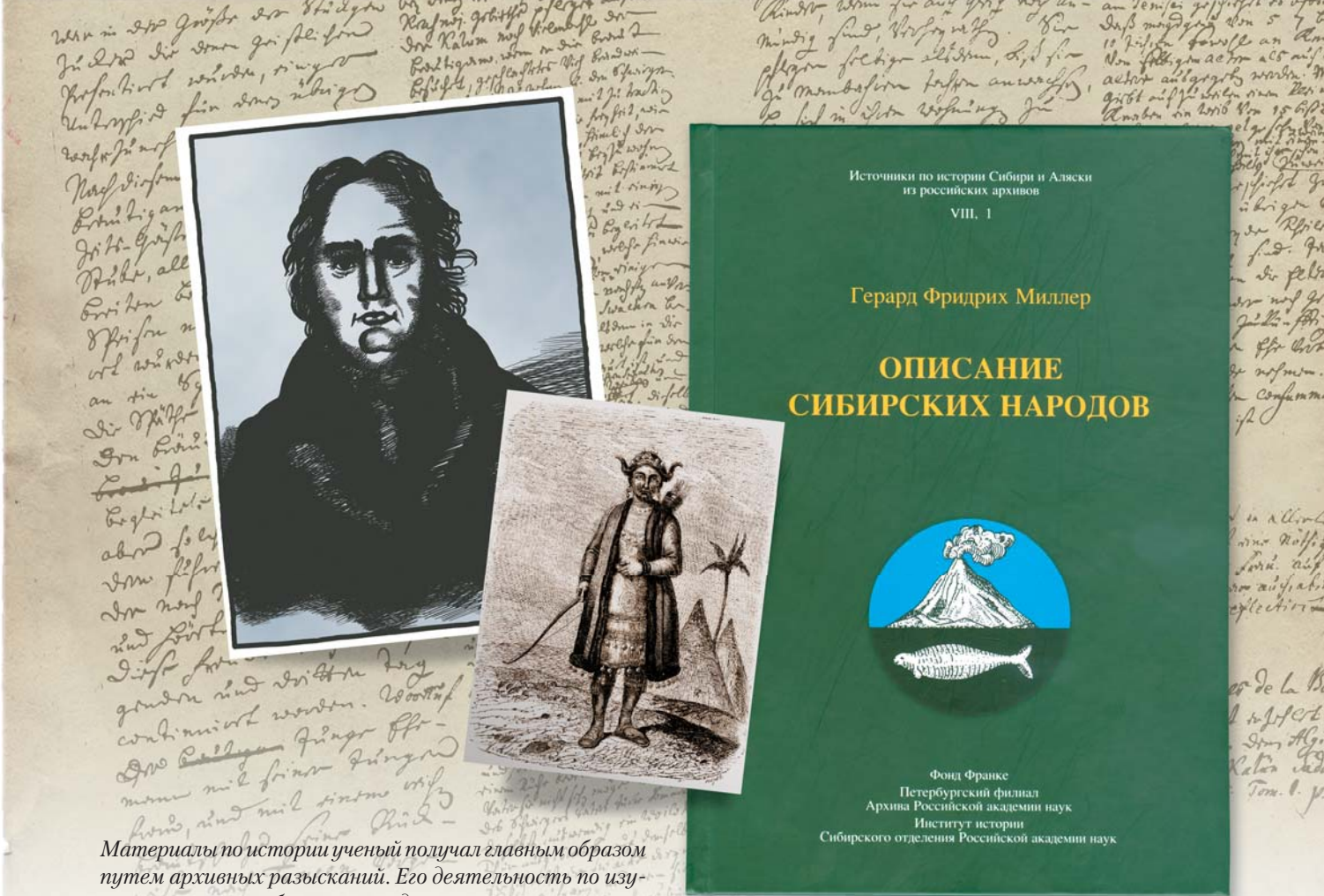
Личность выдающегося российского историка, знаменитого исследователя Сибири Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) трудно назвать обделенной вниманием как со стороны его современников, так и последующих поколений ученых. До сих пор он – один из наиболее часто цитируемых авторов: без ссылок на труды «отца сибирской историографии» не обходится почти ни одно серьезное исследование по истории Сибири XVI–XVIII вв., этнографии и языкам ее коренных народов; истории археологических, географических и картографических работ.

Важнейшей вехой в научной судьбе Миллера стало его путешествие по Сибири в составе Второй Камчатской экспедиции, куда он отправился в возрасте 27 лет. По общему признанию, именно во время этой экспедиции он сформировался как выдающийся ученый с европейской славой. Сибирское путешествие Миллера длилось почти 10 лет, причем он был единственным членом экспедиции, кто посетил все уральские и сибирские уезды, побывав во всех более или менее значительных населенных пунктах Урала и Сибири, исключая лишь Охотский порт.

Сибирское наследие Миллера – это десятки монографий и статей по истории и географии региона, карты, историко-географические описание уездов, путевые заметки, полевой дневник, насчитывающий 2,5 тыс. страниц, а также этнографические труды. Однако приходится констатировать, что в целом архивное наследие Миллера остается одним из наименее изученных по сравнению с работами других крупных историков прошлых веков. И хуже всего обстоит дело с этнографическими трудами и материалами ученого: до недавнего времени почти все оценки Миллера как этнографа были основаны на тех данных, которые вошли в опубликованные главы «Истории Сибири».

Программа этнографического изучения Сибири, составленная Миллером в 1740 г., – уникальный документ, равно которому по широте охвата проблем в отечественной науке не появилось и два с половиной века спустя. Миллер значительно опередил время и в своих взглядах на этнографию в предисловиях к незавершенному фундаментальному труду «Описание сибирских народов», рукопись которого была после долгих поисков обнаружена лишь в 1939 г. в РГАДА. Этот наиболее важный труд Миллера по сибирской этнографии представляет собой смелую попытку составить всеобъемлющее сравнительное описание всех народов Сибири и первый шаг к созданию универсального описания всех народов мира, идею которого развивал ученый.

Этнографические очерки, составляющие «Описание...», насыщены уникальными данными по истории коренных сибирских народов, их этническому составу, материальной и духовной культуре, языкам, аборигенной топонимике.

Материалы по истории учений получал главным образом путем архивных разысканий. Его деятельность по изучению архивов сибирских городов и острогов и копированию хранившихся в них документов оценивается как архивный подвиг ученого, сохранившего для потомков огромное количество ценнейших источников.

Но основные и наиболее ценные материалы по этнографии были получены непосредственно от коренных жителей. При всей загруженности работой в городах, Миллер выкраивал время и для поездок в ясачные волости. Чаще всего такого рода поездки совершались по предварительной договоренности с представителями аборигенной знати или с шаманами. Добившись доверия у этих лиц, Миллер получал приглашения на свадьбы, религиозные обряды и праздники, рыбную ловлю и т.п. «Ласковым обхождением», подарками, демонстрацией уважения к обычаям и религии своих собеседников он добивался расположения и откровенности самых разных людей – от «улусных мужиков» до представителей знатнейших аборигенных кланов, от шаманов до ученых мусульманских и буддийских священников.

Знаменитый труд Миллера впервые опубликован в переводе на русский язык только в 2009 г. совместными усилиями Института истории СО РАН (Новосибирск) и Фонда Франке (Галле, Германия). Подготовлено и немецкоязычное издание этого труда, которое будет опубликовано в 2011 г. в Германии.

Д. и. н. А. Х. Элерт (Институт истории СО РАН, Новосибирск)

Г. Ф. Миллер
ОПИСАНИЕ СИБИРСКИХ НАРОДОВ
Издание подготовили А. Х. Элерт, В. Хинтцше.
Перевод с нем.: А. Х. Элерт.
Памятники исторической мысли, М., 2009.
ISBN 978-5-88451-258-0

В вообще можно сказать обо всех языческих народах в Сибири, что их умственная культура выше или ниже в зависимости от того, насколько они цивилизованы вследствие общения с другими народами.

Так мы видим, например, по живущим на крайнем северо-востоке [Азии] чукчам, что поскольку они никогда не хотели вступать в контакты с русскими подданными, то у них есть некоторые манеры, которые являются более чем ясным свидетельством крайне темного состояния их разума.

Люди, которым приходилось бывать среди этих чукчей и входить с ними в общение, нарисовали мне такой их портрет. Чукчи находятся в своих юртах, как мужчины, так и женщины, молодые и старые, совершенно голыми, без всякой стыдливости, как между собой, так и перед чужими. Если к ним приходит <...> кто-либо чужой, будь то знакомый или незнакомый,

Якутская женщина. *Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799*

даже если это русский, то муж предлагает ему свою жену и принуждает его к сожительству с ней. Если мужа нет дома, то сами женщины настолько бесстыдны, что приглашают чужого мужчину к сожительству. Если русский не желает следовать этому обычаю, то они считают это за оскорбление или за признак того, что против них замышляется какое-нибудь зло. Они могут также подбадривать прибывших русских словами, что те пришли в чужую страну и поэтому должны разгонять свою скуку с женщинами.

<...> Едва только девушка становится способной перенести сожительство, ее в этом деле уже больше не щадят. Женщины никогда не сдерживают своей похоти даже во время месячных, а после родов воздерживаются лишь до тех пор, пока не прекратятся очищения. Двое мужчин иногда заключают соглашение иметь общими своих жен – этим, по их мнению, они вступают в теснейшую кровную дружбу. В особенности они радуются, если в плотскую связь с их женами вступают русские, считая, что через это они будут на них похожи. Меня также уверяли, что по этой же причине контайшины калмыки якобы часто подряжали русских пленных на сожительство с их женщинами.

<...> Если прежде, во времена, когда из Анадырского острога часто посылали партии против чукчей, русский брал себе в рабыни чукотскую девушку или женщину, то, говорят, эти рабыни не делали ничего хорошего, если господин не вступал в обыкновенное сожительство с ними. Когда в 1730 году капитан Павлущий был в походе против чукчей и точно так же взял много пленников обоего пола, однако при этом строго запретил своей команде совокупляться с языческими рабынями, то последние будто бы через переводчиков язвительно спросили русских, не отсутствует ли у них, может быть, та часть тела, которая делает мужчину мужчиной. Говорят, что корякские и камчадалские рабыни, которых в прежние времена было большое количество у русских в тех местностях, будто бы имеют точно такую же натуру. Кто на Камчатке отказывает женщине в исполнении этой, по их мнению, надлежащей ей обязанности, тот не должен получать от нее никакой работы. Рабыни прежде убегали от своих господ, как только они замечали у них нежелание или неспособность к сожительству.

На Камчатке имеются также лица мужского пола, которые, вопреки природе, разрешают использовать себя для разврата с задней позиции. <...> Но их ненавидит вся мужская часть населения и все с ними неохотно

Чукотские женщины. *Kracheninnikow S. Voyage en Sibirie: La description du Kamtchatka T. II. Paris, 1768*

общаются. Они живут среди женщин, выполняют с ними все женские работы и одеваются по-женски. То же отмечено и у некоторых американских народов. Но в отношении других сибирских народов о таких грубых содомских развратных грехах не приходится слышать.

Один поляк по имени Арсин Крупецкой, взятый во время польской войны в плен царем Алексеем Михайловичем, который не так давно умер в престарелом возрасте в Якутске в должности сына боярского, будто бы предавался растлению мальчиков и для этой цели всегда, когда его посылали в якутские улусы для сбора ясака, возил с собой мальчика. Но когда однажды якуты подстерегли его ночью и заметили неладное, они, говорят, в ущерб русским тайно распространили повсюду сведения об этом, как о чем-то в высшей степени гнусном; шум о случившемся будто бы дошел и до самых северных юкагиров и коряков. Тем не менее, однако, иногда как у якутов, так и у брацких и монголов будто бы имеет место плотское совокупление со скотом, а также женщины, говорят, предаются позорной недозволенной похоти между собою <...>, несмотря на то, что это считается у них большим грехом.

Вообще же распутство между неженатыми лицами у сибирских народов не особенно распространено. Причиной этого служат следующие обстоятельства: во-первых, потому что они рано женят своих детей и еще раньше обручают их; во-вторых, поскольку большая часть народов позволяет помолвленным легальное сожительство; в-третьих, так как в случае распутства, как мужчина, так и женщина подвергаются опасности, о чем будет сказано ниже в своем месте. Гораздо более обыденными являются одностороннее и двустороннее прелюбодеяния. Редко когда мачеха не грешит со своими пасынками, а жена старшего брата – с его младшими братьями. Как на то, так и на другое не обращается особого внимания, ибо все равно после смерти отца и старшего брата мачеха и вдова старшего брата достаются пасынкам и младшим братьям.

Во время нашего пребывания в Илимске, к правителю города явился старый тунгус лет 70–80 с верховьев реки Илима с жалобой, что он застиг своего сына у своей молодой жены, и что они оба его отколотили; вследствие этого он попросил велеть их привести и наказать. Их привели. Сыну было от 30 до 40 лет, а женщине не было и 30. Они без колебаний признали свое преступление, причем сын, смеясь, а женщина с некоторым смущением. Мы их спросили, давно ли они занимаются этим делом, на что сын ответил утвердительно и добавил, что и отец давно знал об этом, но только теперь застал их в момент преступления и хотел поколотить, так что они защищали свою жизнь. <...> Наказание заключалось в том, что сына по требованию отца отстегали батогами, женщина же не получила никакого нака-

зания, так как старик возражал против этого и сказал, что он ее слишком любит, чтобы позволить ее отстегать. Молодая пара обещала старику исправиться, и после этого все трое отправились своей дорогой.

Иногда, если отцы слишком ревнивы, бывает, что сыновья похищают свою мачеху. Подобный пример был в Якутске с одним князем Батурусского улуса, который перешел со своей мачехой на реку Зею, впадающую в Амур, и, прожив там 2 года среди тамошних тунгусов, вернулся обратно. Во время этого бегства его тело стало пегим, почему его обычно называют Пегой князец.

<...> Ни один народ не бывает так чувствителен и ревнив в этом отношении, как тунгусы. Сыновей они обычно еще щадят, но если застанут со своими женами кого-либо чужого, то преследуют его до тех пор, пока не убьют; и если даже имеется только подозрение, то обвиненный мужчина должен либо оправдаться клятвой, либо он подвергается смертельной опасности. У якутов есть нечто своеобразное в этом вопросе, а именно, они считают за гораздо большее бесчестие, если женщина предается блуду с русским, чем если это происходит с якутом. В этом случае муж обычно вовсе прогоняет жену.

Стыдливость у всех народов распространяется только на детородные органы. Женщины не стыдятся ходить с обнаженными грудями при чужих мужчинах. Однако незамужние девушки никогда не обнажают груди. Это относится к большинству народов. Женщины у татар-магометан и у тех, кто часто общается с русскими, также стыдятся своих грудей. А то, что весь народ чукчей, наоборот, составляет исключение, это следует из сказанного выше.

Из названия самоедов, которое означает людей, пожирающих друг друга, можно было бы сделать вывод о том, что они отличаются особой дикостью. Однако этого у них не замечается. Мне пришла в голову мысль, не объясняется ли происхождение этого названия тем обстоятельством, что когда эти люди забираются в чащу на охоту и при плохой добыче терпят голод, то, может быть, они в случае крайности убивают своих товарищей и поедают их. Но как русские, так и самоеды единодушно заверяли меня, что о таких случаях никогда не было слышно. А когда я рассказывал разным самоедам, что такие случаи бывают и у самых цивилизованных народов, и что нужда снимает вину за грех, то они ответили мне на это: может быть у других народов это и так, но они лучше все умрут с голоду, чем преступят все законы человечества в такой мере, чтобы убивать и поедать людей. Даже и умерших людей они никогда не едят в случае нужды.

<...> Юракские самоеды очень дики и занимаются грабежами: они нападают не только на русских и грабят их, но воюют и с остальными самоедами, как с тавгами, так и с хантайскими. Да и между собою они часто ведут

войны. Хорошо еще то у них, что они избегают убивать русского, а только связывают ему руки и ноги и отнимают у него имущество, а затем оставляют его лежать. <...> Между собой самоеды очень сострадательны. Если один у них терпит нужду, то ему помогает весь его род, даже в уплате калыма, если он хочет жениться и не имеет достаточно имущества, какое требуется в уплату за невесту.

Внутренние принципы порядочности не развиты так сильно ни у одного народа, как у тунгусов. Среди них ничего не слышно о воровстве, мошенничестве или иных преднамеренных обидах. Они гостеприимны и щедры. Я не раз замечал у нерчинских тунгусов, что когда я дарил самому знатному из них китайский табак или корольки, или иные излюбленные ими вещи, то он делил все подаренное ему количество между всеми присутствовавшими людьми своего народа, и это делалось не из страха или по принуждению, а единственно из стремления к общности.

О кыргызских же казаках, или так называемой Казачьей орде, известно, что когда с русской стороны (как это часто делалось из Тобольска) посылали хану подарок, который состоял, к примеру, из портища немецкого или английского красного полотна, то его всегда нужно было передавать хану тайком, в противном же случае он был вынужден разделить ее между всеми присутствующими. Только причина этого заключалась в том, что этот народ проявляет мало почтения к хану и нередко его обкрадывает и обирает. Так что когда однажды русский посланник по незнанию пришел со своим подарком прямо к хану, предполагая передать его ему с соответствующими церемониями, все толпившиеся вокруг подскочили и будто бы разрезали штучку полотна на столько мелких лоскутков, сколько их здесь присутствовало, причем и хану оставили не больше, чем была доля каждого обыкновенного человека.

Некоторые хотя и осливать сибирские народы как ленивые из-за того, что они не делают запасов больше, чем нужно для поддержания жизни, и если они летом обеспечили себя пропитанием на зиму, то потом поглощают его без какой-либо затраты труда. Я же полагаю, что в этом надо, скорее, усматривать умеренность, заслуживающую похвалы.

По упомянутым хорошим качествам тунгусов к ним ближе всего подходят монголы и татары. Брацкие уже довольно вороваты, а некоторых из них в то время, когда мы там были, даже застигали за разбоем на дороге между Селенгинском и Кяхтой, когда они грабили русских купцов.

Среди всех народов самыми вороватыми и склонными к обману являются якуты. Они нисколько не совестятся всячески, где только могут, совершать несправедливости в отношениях друг к другу. Князцы в высшей степени немилосердно грабят своих подчиненных. Прежде у них

часто происходили и убийства. Хотя и сейчас время от времени такое случается, но следует все же сказать, что под русским надзором они в некоторой степени исправились, как это признают и они сами. Насколько благодетелен высокий императорский указ для других народов, когда они сами осуществляют правосудие между собою, настолько бесполезен он, по указанным выше причинам, якутскому народу, потому что опираясь на него, князцы получают еще больше возможностей совершать несправедливости по отношению к своим. <...> Простые люди также очень приучены к краже скота друг у друга, который они забивают и зарывают в землю. Для этого у них под жилищами и рядом с ними будто бы имеются в земле потайные погреба, которых посторонние обнаружить не могут.

<...> Если разным якутам делают какой-либо общий подарок, например табак, или им нужно заплатить деньги, то нельзя отдать все количество табака или всю сумму денег одному для того, чтобы он поделил это между всеми, а нужно распределить это самому, а иначе возникнут крупные ссоры и обман. Кроме того, якуты высокомерны и хвастливы. У кого лучше подвешен язык, того считают за самого способного человека. Поэтому между собой они очень громко кричат, и русские, которых посылают к ним для сбора ясака, точно так же стараются завоевать у них уважение громкими криками и быстрым говором. У всех сибирских народов существует восточный обычай принимать и делать подарки. А так как это имеет место и у якутов, то в последние годы, когда часто проводились расследования против русских сборщиков ясака, чтобы выяснить, не отягощали ли они народ, оказывая на него давление, то их несправедливость проявлялась и в том, что при малейших расспросах они причисляли к вышеуказанным отягощениям и все подарки, сделанные ими добровольно.

Строптивость и упрямство в начале занятия страны наблюдались у некоторых народов в большей степени, чем у других. Магометанских татар, живших на Иртыше и в других областях, как народ, уже в то время не совсем нецивилизованный, нельзя было укротить иначе, чем оружием. Языческие же татары, наоборот, покорились большей частью добровольно. Брацкие также всегда проявляли себя очень строптивым народом и уже в наше время брацких вокруг Иркутска и Верхолонска уличили в большом заговоре против русских. Равно как и якутов первоначально можно было подчинить только большой строгостью, потому что они нередко убивали русских, которых посылали к ним для сбора ясака, или которые находились на охоте. Но из всех народов самыми упрямыми являются коряки. Часто бывали случаи, когда они вместе с женами и детьми убивали или поджигали себя в своих жилищах, чтобы не попасть в руки к русским.

<...> С курилами на Камчатке первое время было также очень много хлопот. Камчадалы же, напротив, покорились гораздо охотнее, несмотря на то что и ими несколько лет назад был учинен большой бунт, в котором, однако, были виноваты не столько природные наклонности их характера, сколько немилосердные притеснения со стороны тамошних начальников.

<...> Хотя у чукчей и брали аманатов, однако известно мало примеров тому, чтобы остальные были этим озабочены или делали шаги к тому, чтобы платить за этих аманатов ясак. Они считают такого аманата уже потерянным, и хотя якутские казаки в Анадырске иногда пробовали вешать таких аманатов, за которых не поступал ясак, на глазах у некоторых чукчей, но все же и это не давало никакого результата.

<...> Остяки, являющиеся различными народами, и особые языческие народы в Красноярском уезде, и большой народ тунгусов были подчинены легче всего. Но из последних те, что относятся к Охотку, и тунгусы, живущие по Верхней Ангаре, также неоднократно бунтовали и часто убивали русских. Но причиной этого опять-таки были отчасти жестокое обращение со стороны русских начальников, отчасти то, что их часто грабили также служивые и промышленные люди, отчасти то, что они не хотели позволять русским охотиться на своей родной земле.

Между остяками, говорят, часто бывают столкновения, например, между енисейскими и сургутскими, когда они оспаривают друг у друга права на охоту, а также между сургутскими остяками и юраками. Преимущественно это бывает из-за ловли бобров, поскольку бобры имеют постоянные логовища. Приблизительно 10 лет назад енисейские остяки постоянно отправлялись для ловли бобров на реки сургутских остяков, но те ловили енисейских. Сначала дело доходило до драк, однако вскоре они стали более терпимы, а так как енисейские остяки были не столь многочисленны, как сургутские, то они вынуждены были для примирения отдавать им кроме половины добытых бобров еще многое из своей собственности.

<...> Из того, что какой-либо народ покорился добровольно, нельзя делать вывод о его робости. Тунгусы, напротив, в целом так храбры и мужественны, как только может быть народ. Причина скорее в следующем. Те, кто кочует по лесам, чаще всего держатся отдельными семьями, следовательно у них было легко схватить одного или несколько человек, которые были аманатами или заложниками, и которых прежде держали во всех городах и острогах. И тогда естественная доброта и искренность народа, если они не хотели бросить своих аманатов на произвол судьбы, и была истинной причиной их покорности. Наоборот, у других народов, которые занимаются скотоводством и живут близко друг к другу в степях или поселениями,

Гольды (нанайцы). Литография XIX века

было не так легко получить аманатов: чтобы защитить своих, они оказывали сопротивление, и тогда зачастую не обходилось без кровопролития.

Таким образом, строптивость нерчинских тунгусов и податливость тунгусов лесных имеют один и тот же корень. Народ же чукчей, напротив, так безжалостен по отношению к своим, что если время от времени кого-нибудь из них ловили и делали аманатом, то это все же никогда не побуждало их к покорности, но они всегда оставляли своих, даже если это были их родители или дети, или братья, на произвол судьбы на усмотрение русских. Им нередко угрожали, что хотят убить аманатов, если они не дадут согласия на уплату ясака, но все напрасно. <...> Случалось также иногда, что аманаты в острогах и зимовьях убивали русских казаков. Такой пример был лет 30–40 назад со стороны тунгусских аманатов в Майском зимовье. Только из этого еще вовсе не следует делать вывод против мнения о хороших природных свойствах тунгусов. Ибо известно, как сурово содержится большинство аманатов в зимовьях, так что они легко могут впасть в отчаяние.

<...> Несправедливость, с которой относятся в Сибири к языческим народам, является причиной того, что они очень робки. <...> К боязливости народов следует отнести и то, что они неохотно селятся близ трактов или на берегах больших судоходных рек, чтобы не подвергаться обычным обидам со стороны проезжающих.